

отбрасывании устоявшихся социокультурных ценностей и норм, чем в создании новых. Н.А. Бердяев считал, что идеологи коммунизма хотели освобождения личности, во имя чего «низвергали религию, философию, искусство, мораль, отрицали дух и духовную жизнь. Но этим они подавляли личность, лишали ее качественного содержания, опустошали ее внутреннюю жизнь, отрицали право личности на творчество и на духовное обогащение. ...Нигилизм есть характерно русское явление. ...Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности»¹ [13, 47, 37].

Тем не менее, нигилизм в своих истоках является религиозным феноменом. В основе русского нигилизма лежит православное мироотрицание, ощущение мира лежащим во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве. Нигилисты отрицанием пыгаются «расчистить почву» от неприемлемого, ненужного, создать ничто, пустоту для формирования нового *что*. Но на выжженной земле ничего не растет. В своем содержании нигилизм представляет бунт против религии эгоистичной личности, считающей, что ей «все дозволено» и выражается в поругании религии и морали, прагматическом, бездуховном отношении к жизни и людям.

МНГОВЕКТОРНСТЬ ИДЕНТИФИКАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ

В.Н. Кардапольцева

Каждое время требует своих героев. В дне сегодняшнем востребованными становятся не только герои, но и героини. Чем же отличаются героини нашего времени!?

Многочисленные и разнообразные издания (журнальные, научно-публицистические, художественные и пр.) позволяют обнаружить поливариативность в интерпретации женских судеб и образов, свидетельствуя о многовекторности идентификации женственности. Средства массовой информации (СМИ) занимают особое место в формировании представлений о том, что собой являет

---

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.47, 37.

«лицо эпохи». Образы и стереотипы, обозначенные в отечественной журналистике, определяли направление идеологического вектора, созвучного эпохе, поскольку «великая культурная смута» начала столетия обнаружила возможность сосуществования в рамкой одной культуры разных типов художественного мышления: от классического маскулинного до неоклассического феминного.

Своеобразие российской культуры последних десятилетий XX века – начала XXI можно связывать с уникальностью судеб женщин и конструированием в сложных и путаных реалиях жизни новой женственности, что не могло не отразиться во множестве явлений художественной культуры.

Кризис советизированной идентичности сильнее всего сказывается на женщине – наименее социально и культурно защищенном субъекте современных процессов инновации и модернизации. Общество пытается найти ответ на вопрос о том, что значит быть женщиной в конкретном современном социокультурном контексте. Очевидно, что женщина нередко превосходит мужа по потенциальной энергии, творческому импульсу, тонкости понимания человеческих отношений и богатству восприятия мира. Даже сегодня со стороны мужа нередко патриархальное стремление к ограничению внутреннего творчества женщины, переключение ее внимания на собственную личность и свой угол зрения. А со стороны женщины – стремление разорвать шагреновую кожу навязанного ей образа-стереотипа и обрести творческую самостоятельность, нежелание быть типовым продуктом культурно-идеологического конвейера, отстаивать право на самобытность, на свой взгляд, на признание. Современное общество уже не обвиняет женщин, позволяющих себе роскошь самореализации, в эгоизме и легкомыслии.

Преобладающая доля ее времени и энергии уходит на «кустарную» переработку препятствий. Под кустарностью понимается «самостное» вхождение в современный вестернизированный, жесткий по своим правилам и установкам мир. Ориентир «светлого советского пути» то зримо, то скрытно прослеживался на протяжении становления и развития советской идеологизированной культуры. Гиперактивность, агрессивность

женщин, массированно внедренные, а, скорее всего, навязанные коммунистической идеологией, отнюдь не актуальны сегодня. Традиционные взгляды на образцы полового поведения продолжают оставаться в семейно-бытовой сфере очень значимыми. При равном (с мужчинами) получении образования семья для женщины выступает не как «дополнительная» сфера реализации, а как необходимая и значимая. Ситуация преодоления – наиболее зримая форма самовыражения которая проецировалась в культуре последних десятилетий. Термин «преодоления» несет в себе суть психологического комплекса, обуславливающего деятельность многих современных женщин. Несмотря на некую мужественно-уверенную поступь женщин, на «тропе литературы» в том числе, очень близкую к «тропе войны». Модель социальной априорной вины безотказно срабатывает по аналогии при любом проявлении индивидуальной социальной активности и даже в ситуации, когда речь идет о производстве определенного интеллектуально-духовного товара и его последующей реализации. Успех – это жесткая внутренняя концентрация и профессионализм. Сегодня случайные люди могут чего-то добиться редко, во всех сферах слишком сильна конкуренция. Ушли в прошлое стереотипные методы достижения своей цели: авторитарный стиль работы, властный тон, не терпящий возражений, нетерпимость к чужим мнениям, суровая тональность голоса, строгий костюм мужского покроя без каких бы то ни было излишеств, мало напоминающих о представительнице прекрасного слабого пола. Великий знаток человеческих душ Л.Н Толстой дал далеко не лицеприятную оценку активным и способным на самореализацию представительницам: «Женщина, старающаяся походить на мужчину, так же уродлива, как женоподобный мужчина». Самым очевидным доказательством женской малополезности, с точки зрения опыта цивилизации, по мнению некоторых мужчин, является непредставленность женского пола в культурном наследии. Почему не было знаменитых художниц, равных Леонардо или Дали? Почему женщина не открыла Америку и теорию относительности? Не изобрела бумагу, порох, книгопечатание, очки, летательный аппарат, кино, фотографию и т.п.?

Что вообще она дала нового человечеству, кроме детей?! Однако современная женщина не боится уродливости женоподобного мужчины, поскольку современное развитие общества, немислимо без участия женщин и достигло таких высот, что способно изменить и выровнять любые отклонения от нормы, любые проявления зримой ли мнимой уродливости.

Обновленное поступательное движение женщины по дороге к столбовому «светлому пути», не предполагает советов извне. Диктатура «страны советов» канула в лето, женщине во многом как первопроходцу приходится искать свои пути в политике, в бизнесе, в искусстве. Не случайно в российской ментальности, с вечно женственной русской душой так привилось слово «инновации». Согласно утверждениям психолога Роджерса, представление субъекта о себе складывается в первую очередь из представления об «идеальном себе», неком образе, который вбирает в себя «идеальный», т.е. максимально отвечающий индивидуальному запросу набор черт, которыми субъект потенциально хочет обладать». Если дом и семья мало заботили героинь 50-х годов, занятых в свободное от работы время общественно-полезной работой, охваченные по оценке социологов, «нарушением полового стереотипа» в российской культуре, то для сегодняшних женщин, это важные жизненные ориентиры, та пристань которая несет гармонию и покой. Известная писательница Светлана Алексиевич, автор книги «У войны не женское лицо» считает: «Современному человеку нужно больше тишины, покоя. Совсем необязательно забивать себя той информацией, которая круглые сутки поступает из газет, телевизора, интернета – достаточно просто быть самим собой и стараться радовать себя и близких. Пускай сегодня это будет ласковая улыбка, завтра – хорошее слово, послезавтра – вкусный пирог. Без всего этого от одиночества не спасут ни “мерседесы”, ни дома, ни бизнес, ни самая интересная книга». Все эти атрибуты могут быть обеспечены только семьей, домом. «Учитесь радоваться жизни, ее обыденным дарам», – провозглашает Л. Татьяничева, одна из уральских поэтесс. Надо всего лишь радоваться каждому дню и стараться окружать себя только «своими» по духу людьми.

Женщины спроецировали свое вступление в современный мир бизнеса, коммерции изначально не с позиций общечеловеческих, а с позиций «иногo», «другогo» относительно того, что долго и однозначно считалось универсально человеческим, то есть мужским.

И, конечно, кроме чисто профессиональных качеств нужны еще теплота и любовь к жизни. Проблема личного счастья – одна из вечных и в то же время, казалось бы, размытых и сегодня не достаточно актуализированных. Какая бы «долларизация» сознания не произошла и сколько бы денег не было в наших карманах, самое важное то, что происходит с человеком ночью, вечером дома, в семье. Любят ли его, понимают близкие люди.

Все – от квартиры до предметов личного потребления, включая пропитание, – составляет предмет ее ежедневных забот, что формирует пространственно-временное поле ее существования. Потому что без этого любой из нас одинок. А общество, состоящее из одиноких людей – несчастливое общество. Каждый из нас обречен на одиночество, у одного из философов сказано, что есть моменты, минуты счастья, а все остальное – одиночество. Дом воспринимается как хрупкое обиталище своего внутреннего мира, которое требует защиты от равнодушия, посягательства.

Только за последние десять-пятнадцать лет женщина доказала, что вполне может жить одна и без замужества может состояться как личность и никому до этого не будет дела. А до того считалось, что, до конца себя реализовать без замужества она не способна.

Можно построить огромный дом, заполнить до отказа холодильник, купить дорогую машину, но намного интереснее состояться как личность. Пожалуй, именно состоятельность как личность, стало знаменем сегодняшнего времени. Всегда будут востребованы те, кто которые думают о жизни, а не просто вскакивают в нее, как на эскалатор. Пусть будет в нашем распоряжении самая фантастическая техника, самые «навороченные» компьютеры, но никто не освободит от любви, страданий – от того, что называется выбором и жизнью.

Сегодняшние женщины относятся к жизни как к благородному виду спорта, и потому всегда должна быть в форме. Женщинам

хочется, чтобы рядом были только те люди, с которыми интересно бежать свою дистанцию. К сожалению, гораздо чаще встречаются те, кто в сорок или в пятьдесят лет уходят в «диванную эмиграцию» или те, которые живут, как биороботы, не думают о своей жизни, не докапываются до ее смысла. Каждая сегодняшняя женщина решает и выбирает сама, уверенная в том, что жизнь все-таки по большей части зависит от них самих. Можно не добиться славы, денег, но праздник из каждого дня можно делать и без этого. Да, человек – заложник времени, среды, обстоятельств, но каждый день он в состоянии делать выбор, который реально может что-то изменить.

Исповедальная женская литература, обозначившаяся в начале перестройки, наполнена вечно женственным чувством вины. Любопытны, например, личные признания известной американской писательницы Катер Грэхэм, которая в апреле 1998 года была удостоена литературной премией и считается одной из самых влиятельных людей в американской журналистике, являясь председателем административного совета газеты «Вашингтон Пост». В своей биографии она пишет о своей непреодолимой застенчивости, о чувстве постоянной внутренней неудовлетворенности тем, что делает, считая недостаточно профессиональным и совершенным. Путь к свободе, по мнению многих писательниц, лежит, в первую очередь, через изживание чувства вины». Проблема идентификации женщины в качестве говорящего субъекта становится основной характеристикой культуры последних десятилетий XX века и, одновременно, ключом к пониманию сути женственности как феномена.

Если советская женщина на протяжении всего периода советского существования была погружена в сферу простейшего материального потребления, то современная женщина не довольствуется скромными ширпотребовскими запросами, на пути к светлому пути она стремится к индивидуальности и в лице, и в одежде, и в мыслях, и в состоянии своей души. Стал снова появляться образ некой «золушки», для которой не менее важны муж, дом, семья, уют в доме и в то же время привлекательно-чарующий женственный вид, красивая одежда. Работа и общественная деятельность тоже дело

не второстепенное. И женщине, как ни странно, нередко удается совмещать все это, казалось бы, несовместимое.

Благодаря активному и новому вхождению женщин в публичный мужской мир в конце 90-х в российской культуре обозначился новый тип женственности, связанной с писательской деятельностью, имена многих из них уже успели стать хрестоматийными. Женщины не только смело и дерзко заявили о себе, но и обозначили новые жанры (исповедальное преодоление, фэнтези, и жанр, который искони считался сугубо мужским – женский детектив). В силу целого комплекса политических, социальных, культурологических причин женское творчество, оформившись в самостоятельное течение, обозначило иную женственность, выразившись как в экономике, бизнесе, так и в литературе.

Если в советские годы все животворящее, растекающееся, женское и женственное цементировалось, закалялось, как сталь (видимо, не случайно фамилия – Сталин), выливалось в железные потоки, выстраивалось в гвардии, вело свой счет в пределах срока (сорок–ассоциация с неполногласным срок)... то женская репрезентативность последних десятилетий предлагает чрезвычайную разновекторность самореализации. Женщина по-прежнему в любой ситуации «трудовая единица» (в пределах дома, вне его пространства), кроме того существуют типы женщин, судьбы которых можно причислить к так называемому «потерянному поколению», не востребованных жизнью, не готовых к борьбе за свое полноценное существование, лишенных всякой активности, интереса к жизни, в восприятии многих из них все лучшее по-прежнему связывается с границей. Впервые этот вариант был прописан в советском «хите-мелодраме» "Интердевочка". Режиссер П. Тодоровский, «романтик» в душе и лирик по складу таланта, идеологизировал повесть В. Кунина и представил валютную проститутку жертвой режима, падшей Золушкой, бесправной и обездоленной. Ее единственный шанс спастись от неустроенности российской жизни – выйти замуж за «заморского Принца», что и происходит. Она находит свое зыбкое счастье в тридесятом царстве,

но платит за это жизнью». Подобный финал П. Тодоровского – своеобразная пропаганда традиционных советско-российских (антикапиталистические) мифов: о моральном превосходстве и душевной щедрости русских; о преобладании духовного над материальным; о священной природе материнства; о святости Родины, следствием которой является беспримерная привязанность русских к своей стране, и прочих «достоинствах социалистической системы». Бинарность, антиномичность, амбивалентность – особенность русской ментальности, что проявляется как в созданных образах женщин (чаще всего мужчинами), так и репрезентативность самих женщин, конструирующих свою женственность.

Достаточно симптоматичным для современной социокультурной ситуации можно считать массированное вхождение женщины в мир литературы. Идеал себя в женской прозе практически отсутствует. Женские образы предстают словно вывернутыми наружу изнанкой с обнажившейся подкладкой из неясных страхов, сомнений, неизвестности. Писательницы, помещая в центре бытийного и бытового производства прозы женщину, «образ себя», создают и многогранно воспроизводят, не «идеал себя», а отрицание себя. Лейтмотив самоотрицания связан с тотальным неприятием ею образов, взятых в традиционных интерпретациях, таких, как тургеневская девушка, Сонечка Мармеладова, красная косынка, синий чулок. Окружающий и враждебный женщине мир преломляется в субъективизме ее взглядов и предстает искажением универсальных, навязанных норм. Настоящее время можно связывать со становлением новой российской женственности, что находит отражение в новой литературе, отличающейся неоднородностью и противоречивостью. Литература постсоветского периода, презентуемая женщинами, – новый алгоритм женственности, значительно отличающийся от предыдущих периодов, прежде всего, тематикой (актуализацией приватной сферы), выстроенной по законам женского мироощущения, мировосприятия, используя определенные художественные средства, в частности особенностями языка. Воплощая стремление к самоидентификации и к преодолению комплекса внутренних и внешних противоречий, писательницы не

ориентируются на какой-либо определенный читательский круг, книжный рынок. Исповедь для себя, с целью выговориться, выплеснуть все, что долго и мучительно копилось в душе и грузом пригибало к земле. Проговаривание – путь к исцелению, преодолению наболевших вопросов и неразрешимых проблем, в которых героиня вновь и вновь обращается к детству; то с отчаянием, то с иронией пытаюсь преодолеть чувство незащитности, страха, собственного несовершенства. «Женская литература», развивающаяся в России чрезвычайно быстрыми темпами, выполняет в определенной степени *компенсаторную* роль, вместе с тем, давая возможность исследовать поведение женщины на границе нормальной и аномальной жизни; на границе добра и зла, нормы и ее нарушения; на границе осмысления преступления, его совершения и расследования, что особенно касается детективной литературы.

Ирония как одно из немногих художественных средств помогает писательницам выявить и акцентировать культурно значимую проблему. Т. Тарасова, например, с иронией рассказывает о себе, что «исполняла жизненную программу», «типичного представителя» в «типичных обстоятельствах» (в походах Ал. Македонского не участвовала, через Альпы не переваливалась, в заключении Туркманчайского договора не участвовала). С помощью иронии писательницы как бы демонстрируют подавление женственного. Прозаик Л. Штерн, используя прием иронии, доводит до логического абсурда внедряемые в сознание советского человека идеологические мифы, своеобразные зомбирующие программы, демонстрируя их несостоятельность: «Я не вскарабкивалась на пик Ленина, волоча за собой бюст Сталина, не отмораживала в тайге руки, ноги, железы внутренней секреции и не стала в результате солисткой Большого Театра Союза ССР». Женская литература появившаяся в конце XX века во многом является новаторской, создав свою женственность. «Именно женщина не побоялась быть кощунственной, переплавить в одно истерию, эротику, религиозный экстаз, потребность веры, не побоялась обнажать не духовно-психологические бездны, а инстинктивно-подсознательные влечения, в которых смешаны самые низменные и самые высокие побуждения. То, что они сделали все

вместе, безусловно, расшатывало казавшиеся незыблемыми устои, открывало “шлюзы” тому мощному потоку личностного, индивидуального, обнаженно-раскованного восприятия мира, на которое осмелился в искусстве только XX век», – справедливо отмечает исследователь Т. Михайлова¹.

В художественно-литературном процессе идентификация российской женственности репрезентирована особым образом. Она объединила писательниц разных поколений с разным жизненным опытом, иногда диаметрально противоположных по взглядам и художественным пристрастиям. Совершенно несхожие между собой создают единое эстетическое пространство, в котором образ женщины во всем многообразии его взаимосвязей с окружающим миром достигает подлинной объемности. Мир женщины, отличный от мира мужчины», выраженный в ее деятельностно-творческом потенциале, являет собой своеобразный *идейный* и *эстетический* манифест женской культуры.

Литература, отражая «пульс времени», где женщина не только объект, но и в меньшей степени субъект, часто рисуют коллективный «автопортрет» в образе некой «амазонки», крушащей все на своем пути в поисках истины и справедливости, но в тот же время не воинственной, а спроецированной в традициях «россиеведения», сострадательной матери своим детям и любому проявлению своего творчества, чувствующей меру и ритм. Однако литература, как и все мифы, не является в полной мере отражением действительности, а скорее выражает тоску и мечту об обретении гармонии и самодостаточности – доспехах, делающих неуязвимой настоящую амазонку. В повествованиях доминирует привлечение личного опыта; восприятие окружающего мира, мыслей, переживаний выходит за рамки чисто литературного приема. В женской прозе – путь от понимания внутренней слабости и уязвимости до их утверждения, можно рассматривать как «историю женской травмы в

---

¹ Михайлова М.В. Внутренний мир женщины и его изображение в русской женской прозе Серебряного века // Пресображение (Русский феминистский журнал). 1996. №4. С.150-158.

России». Но не слабая и пассивная, физически больная, сломленная женщина чаще всего представлена на страницах женской прозы.

Угловатая, резкая, громкоголосая, в шлохо спитом костюме мужского покроя с мужскими манерами, эта бывшая лётчица, участница войны – в мучительном разладе с настоящим. Она живёт прошлым, защищается им, навязывает его окружающим как единственную истину и высшую мораль, в свете которой настоящее ничего не стоит.

Детектив стал своеобразной «лабораторией» моделирования новых образов и стереотипов женственности. Женщина становится сильной, самодостаточной, профессионально состоявшейся одиночкой, надеющейся только на себя. Новая гендерная ориентация, опровергает традиционно-патриархальную или формально-уравнительную советскую систему гендерных статусов, акцентирует инаковость женщины современной социокультурной ситуации. «В современной женской литературе, в детективном жанре, представлено несколько типов женщин: женщина-маньяк; женщина – оскорбленная невинность; женщина-следователь, нередок архетип злой матери. Классик детективного женского романа Маришина представляет образ карающей матери. В произведениях А. Марининой женские персонажи превосходят мужские не только числом, но и разнообразием характеров, женщина по большей части не только страдательная сторона, не столько жертва, сколько активный субъект, организующий обстоятельства, а не подчиняющийся им. Главная героиня А. Марининой – Анастасия Каменская является знаковым образом в создании новой интерпретации мужественной женственности. Маринина создает образ женщины интеллектуальной, потенциал которой во многом превышает аналогичные способности окружающих ее мужчин. Женщина-профессионал выступает как граница социальной, профессиональной и личной состоятельности и несостоятельности мужчины, как активная сила, по отношению к которой происходит оценка «истинных», общезначимых, человеческих качеств мужчины. Маринина не только отражает в своих произведениях ситуацию кризиса идентичности, но и сама является ее иллюстрацией, создавая новые модели женственности и

мужественности. Не случайно появление множества женских имен, реализующих свой творческий потенциал в детективном жанре.

Сегодняшняя действительность уже формирует иной социальный заказ, отвечающий пульсирующим запросам времени. Несмотря на смену гендерных доминант в досоветское, советское, постсоветское время, лейтмотивом востребованной российской женственности сложного XXI века могут являться слова песни в исполнении известного эстрадного певца «Родня ты моя» (возможно, не случайна достаточно неизменная его внешняя сценическая репрезентативность): / Ты сладко спишь, а я шепчу тебе, родная: / «Спасибо – за день, / Спасибо – за ночь, / Спасибо – за сына и за дочь. / Спасибо за то, что в мире горя и зла, / Наш тесный мирок ты сберегла /. Слова песни как бы аккумулируют такие извечные гендерные конструкты женственности, как материнство, чадолюбие, опора семьи, поддержка во всем мужу. Это качества, которые несмотря ни на какие ветры времени и пространства, считаются не менее востребованными в российской культуре и в настоящее время, позволяя представителям «первого пола» сохранить свою не менее востребованную мужественность.

Сегодняшняя социокультурная ситуация (в русле глобализационных процессов) причудливо вплетена в вестернизированные, «заморские» потоки, требуя от женщин гиперреактивности на всех уровнях самоидентификации, подчиняясь моделям, спроецированным по канонам мужественности. С другой, – не утрачивает своего влияния традиционная российская культура, связанная с домом, семьей, родом, где находится место женской слабости, нуждающейся в защищенности и любовании, а не самолюбовании. Сегодня востребованы как традиционная женственная мягкость, соединенная с пластичностью, так и жесткость, соединенная с логикой и самодисциплиной, позволяющие женщине самоутвердиться в сложных и запутанных коридорах современной социокультурной коммуникации.